

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 4. УГОЛ

Евгений Южин

16+

Евгений Южин
Инженер. Часть 4. Угол
Серия «Инженер», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56066395

SelfPub; 2020

Аннотация

Никакой человек не может существовать сам по себе. Только окруженный сетью связей с другими людьми, он может стать истинно могущественным. Это ловушка, из которой нет выхода – тысячи незримых паутинок пеленают героя, делая его игрушкой жизни и чужих судеб.

Содержание

Часть 4. Угол	4
1	4
2	9
3	17
4	27
5	35
6	42
7	54
8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Часть 4. Угол

1

Садух был не в настроении. Люди из охраны старались лишний раз не приближаться к боссу – они мелькали бесшумными силуэтами вдаль за деревьями, старательно избегая появления в поле зрения раздраженного старосты. Ближился вечер, маленький отряд подходил к цели своего короткого путешествия – высокой скале, торчавшей уцелевшим гнилым зубом в обрывистом уступе. Последний служил границей Облачного края – обширного плато, лежащего между отрогами Великих гор и грандиозной равниной, прятанной на своих просторах не только бассейн самой большой реки континента – Дона, но и десятка его братьев и сестер, несущих воду предгорья в далекий океан на западе.

В последние полгода староста зачастил к этому некогда никому не нужному неприступному утесу, возвышавшемуся над долинами внизу на добрую сотню метров. Со стороны плато, конечно, утес был гораздо ниже, но и двадцать метров вертикальной скалы впечатляли. На ее макушке, по слухам, обосновался Илия, член семьи старосты – не новой, большой и разномастной семьи, в которую входили и многочисленные артели, и хутора сборщиков орешка, и биржевики из Саэм-

дила, и торговые представители в долине Дона, а старой – из тех времен, когда Садух был старостой жалкой тройки хуторов в Облачном крае. Впрочем, о тех временах среди людей старосты никто уже и не вспоминал – бывшая вольница фронта канула в Лету. Садух подмял под себя всю жизнь на плато, и некоторые поговаривали, что его семья могла бы претендовать и на аристократический статус, если бы не отсутствие среди ее членов представительниц ордена. Отношения между людьми старосты и скелле были сложными, но хитрый новоявленный барон умудрился как-то договориться и его не трогали. С другой стороны, и рассчитывать на то, что кто-то из владеющих искусством войдет в семью, не приходилось – разве что повезет и среди людей Садуха родится девочка с таким нужным даром.

Отдельный разговор – этот самый Илия, живущий нелюдимым сычом на макушке неприступной скалы. Мало кто видел его, но люди поговаривали, что он не из местных – когда-то в прошлом его изгнали мун с Великих гор, и он смог дойти до людей, став к тому же каким-то образом членом семьи самого Садуха. Илия этот был, по-видимому, важной персоной в семье, но точно его роль никто не знал – Садух общался и вел все дела с ним лично. Вот и сейчас охране предстояло проводить босса до подножия скалы и убираться восвояси, что случалось уже не в первый раз. Завтра босс как ни в чем небывало объявится на своем хуторе, едва не опередив собственных быстроногих стражей.

За полгода образовалась настоящая натоптанная тропа, ведущая от хутора Садуха до скалы. Пользовался ею не только староста – на скалу доставляли огромное количество стройматериалов, какие-то детали непонятных механизмов, мелькали, под присмотром людей семьи, торговцы древностями. Командовала всем этим хозяйством, тщательно следя за безопасностью, жена самого Илии – Урухеле, живущая на собственном хуторе, через который проходила дорога к скале. У Урухеле был собственный настоящий муж, а Илия был ее приемным, однако женщина тщательно берегла эту тайну, и неспроста – статус жены таинственного волшебника, по-видимому, приносил ей изрядные дивиденды, не подвергая в то же время никакой опасности.

Граница леса резко оборвалась, не доходя до края уступа, охрана растянулась длинной цепью вдоль ее кромки, стараясь не выходить из-под защиты деревьев. Темный силуэт скалы мрачной тенью заслонял облака на западе, подсвеченные заходящим солнцем. За краем раскинулась половина обитаемого мира – великая равнина Мау. Бугрясь от подножия поросшими лесом холмами, пространство за краем тянулось до далекого горизонта бесконечной плитой темного моря, подсвеченного светом заходящей звезды. Ощущение моря добавляли доминирующие цвета местной растительности – серебристый и темно-бурый, перемежающиеся контрастными пятнами.

Под скалой было темно, здесь уже упал вечер. Хмурый Са-

дух быстро пересек открытое пространство и подошел к маленькой беседке, ютившейся на самом обрыве рядом с возвышающимся над ней утесом. Он сделал знак рукой, и охрана, так и не появившаяся из-за деревьев, тут же развернулась и исчезла в лесу. Простой бронзовый колокол – одно из изобретений Ильи, висел по центру беседки. Садух в очередной раз подумал, что эти мун не такие уж и простаки, если изобрели такую штуkenцию, и дернул за обрывок каната, привязанный к билу колокола. Негромкий, чуть глуховатый удар породил звук, заполнивший весь мир вокруг, – казалось, что гудят и вибрируют даже внутренности старосты. Не было ни малейшего сомнения, что этот негромкий гул услышат даже далеко внизу в долине.

Садух знал, что требуется терпение. Поэтому он с удовольствием расположился в беседке, достал воду, кусочек ореховой пастилы и не доеденный на ходу бутерброд с колбасой. Хозяин скалы обязательно спустится – а староста знал, что тот должен был быть на месте, но это может занять довольно много времени. Мало ли чем был занят человек, когда его застал далекий удар колокола. Да и надо бы обдумать предстоящий разговор – на ходу мысли постоянно выпрыгивали из головы, а вынужденное ожидание в уютном месте с красивым видом – самое то, что надо. Последний раз, когда Садух принес Илье известие о его скелле, тот надолго исчез, едва не подставив семью под неприятности с орденом. Садух чувствовал, что и на этот раз тот улетит. Как же всегда не

вовремя появляется эта его пассия из далеких заносчивых аристократов. На носу были две важные перевозки, которые без Ильи превратятся в сложные и опасные операции. Все это настолько было не ко времени, что было сильнейшее искушение не сообщать новости с запада. Но Садух, как ему казалось, очень хорошо знал муна – тот был, с его точки зрения, слишком честен и слишком искренен. Таких людей, если они тебе дороги, лучше не обманывать – не только преврешь всякие отношения, но и можешь заполучить настоящего искреннего врага. А иметь во врагах Илью – чистое самоубийство. Человека, за которым числится целый хвост из мертвых скелле – могущественных волшебниц, способных убить одним движением мысли, лучше держать в друзьях.

Наконец, сияющие закатные облака пересекла быстрая тень. Самолет Ильи развернулся – Садух знал, что тот проверяет, кто побеспокоил его, и, сделав круг, опустился на грунт рядом с беседкой. Староста уже много раз видел летающую машину, сам частенько летал на ней, поэтому, едва завидев ее тень, быстро собрал свои вещи, залпом допил воду – впереди пьянка на полночи, и поспешил к самолету.

За полгода, прошедшие с моего возвращения с востока, я соорудил на своей скале одноэтажный дом, крыша которого стала посадочной площадкой для самолетов. Дом, конечно, слишком сильно сказано – просто накрыл все пространство выемки в скале, напоминавшее кариес каменного зуба, единой крышей. В результате с трех сторон в доме были естественные скальные стены, а с четвертой – панорамный вид на Мау. Больше всего времени неожиданно заняло устранение протечек изломанных каменных стен по периметру шикарного помещения. Первое время при каждом дожде я носился по дому, отмечая места самых обильных ручейков, несущих свежую дождевую воду прямо к моей постели, чтобы потом обильно залить скалы снаружи местным аналогом раствора. Несмотря на мои усилия, вода с легкостью находила новые пути, и лишь спустя два местных месяца мне все же удалось избавиться от непрошенных водопадов.

Большая часть помещения скорее напоминала мастерскую, чем жилье мага-затворника, и лишь рядом с видом на обрыв можно было притвориться, что ты не в гостях у друга по гаражному кооперативу, а на макушке высокой скалы, облюбованной под уединенное убежище загадочным хозяином. Именно здесь и стояли пара кресел и низкий стол, за которым мы с Садухом периодически бухали раствор ореш-

ка. Ну, как бухали – Садух, конечно, надирался до изумления, меня же, видимо, по причине инопланетной физиологии, раствор, как говорится, не брал, и это было одной из причин, как я подозреваю, почему Садух так любил заниматься этим именно у меня в гостях.

Сейчас Садух, непривычно мрачный, сидел, надувшись, в своем любимом кресле и накачивался орешком. Я не торопил моего старого товарища и делового партнера – староста не воздушный шарик, подует, подует и лопнет рано или поздно. Однако на этот раз надутое молчание Садуха почему-то беспокоило. Обычно староста являлся в таком настроении, когда собирался о чем-то меня просить – его, по-видимому, напрягала необходимость договариваться с кем-то, кого он давно считал членом своей семьи. В последнее время Садух привык, что ему достаточно отдать распоряжение и выбрать исполнителя, чтобы все завертелось по его желанию – со мной это не проходило. Не только потому, что в прошлом Садух формально вывел меня из семьи – о чем мало кто знал, если вообще кто-то знал, кроме него, но и потому, что мы изначально договорились о равноправном партнерстве, что заматеревший Садух переносил с трудом.

Молчание затягивалось. Я глотнул орешка и решил поторопить собеседника:

– Давай вываливай, чего у тебя?

Староста поморщился:

– Вот невоспитанный ты человек, Илия! – уже не очень

трезвым голосом упрекнул он меня. – Вместо того чтобы показать, как ты рад гостю, ты ему намекаешь, что какие-то новости тебе интересней, чем я. Давай, мол, выкладывай и вали на все четыре стороны!

– Зачем ты так, уважаемый Садух? – подыграл я ему. – Меня волнует, что сердце твое не в покое, что какие-то мысли хмурят твой лоб и мучают твое сердце! Я тороплюсь принять часть твоей ноши на себя, чтобы разделить ее, облегчить тебя и наполнить твое сердце радостью!

Садух вздохнул, но вопреки обыкновению не продолжил игру:

– По мне, так это не моя ноша. Хочешь облегчить – забери ее всю! – я молчал и ждал, Садух наполнил очередной стакан водой, бросил в него ломтик ореховой пастилы и, наконец, сообщил свои новости: – Слухи пришли из Арракиса, что семья Ур начала строить родильную и уже пригласила повитуху скелле.

– Не понял. Что здесь такого? Кто рожать будет и как это меня касается?

Садух не отвечал, задумчиво глядя на меня. Каюсь, но первое чувство, которое посетило меня, когда до меня дошло, кто готовится стать мамой, был укол ревности. Такая неприятная кислая колючка, занозой загудевшая где-то под сердцем. Я поморщился и уже собирался ответить что-нибудь равнодушное, когда новая ошарашивающая мысль выдернула резким движением колючку ревности, оставив бо-

лезненную ранку стыда. Блин! Прошла чертова дюжина арк – это местное название для двадцати дней. Это сколько же земных месяцев? Я судорожно стал высчитывать и остолбенел – девять земных месяцев или около того!

Голова загудела от мыслей, я вскочил, не в силах сидеть, и зашагал по мастерской.

– Садух, а что значит родильная?

Садух поболтал стакан, отпил из него и ответил не торопясь:

– Рожать-то скелле будет. Что же тут непонятного? Строят в чистом поле, так, чтобы не спалить чего ненароком, отдельный домик – это и есть родильная. Ну и повитуха, ясное дело, из ордена.

Я замер, лихорадочно обдумывая новость, молча уставившись вглубь мастерской. Низкое солнце уже коснулось горизонта, осветив скалу затухающим оранжевым светом. У мастерской отсутствовала полноценная стена со стороны долины – так, скромное ограждение, разделенное колоннами, подпирающими крышу, – и сейчас этот свет – насыщенно-желтый с красноватым оттенком, заливал все помещение, включая его самые дальние потаенные уголки. Столбы, рядами расставленные по мастерской, поддерживали широкую крышу, набранную из толстенных досок какой-то местной древесины почти белого цвета. Крыша была двухслойной – между потолком и собственно покрытием я проложил целую систему ливневой канализации, которая теперь во время до-

ждей наполняла две емкости воды для технических нужд, а ее избыток скидывался в пропасть парой красивых водопадов. Укрытое пространство получилось неожиданно обширным – когда я первый раз прилетел сюда, то обнаружил небольшую удобную полянку. Теперь же под перекрытием в янтарную глубину уходил обширный зал с колоннадами. В нем терялись и мой рабочий стол, и стеллажи с инструментом, и несколько верстаков, маленький горн, стоявший ближе к краю, печка, наковальня, стапель посередине, на котором замер каркас-основание для нового двигателя.

Здесь я приводил в порядок самолет, строил навигацию для предполагаемого далекого путешествия, готовил двигатель для той же цели. Моя жизнь под крылом семьи Садуха приобрела размеренный и предсказуемый распорядок – полеты с контрабандой, транспортировка орешка, умиротворяющая возня с деталями и агрегатами, отладка и настройка механизмов и устройств и ежевечерние тренировки с тенями источника. Ана всегда жила во мне еле слышной нотой надежды – надежды на ее возвращение. Я жадно следил за редкими новостями с далекого запада, радовался укреплению положения семьи Ур, справедливо связывая это с возвращением моей скелле домой. И ждал.

И вот я в растерянности. Понятно, что мой путь теперь – на запад. Ясно, что я не могу просто отмахнуться от вероятного, более чем вероятного, отцовства. По крайней мере я обязан выяснить все обстоятельства, и если это мой ре-

бенок, то я не смогу остаться в стороне от него – это, на мой взгляд, невозможно. С другой стороны, неожиданная новость, как это всегда бывает, разрушила мои обширные планы, вновь выдернула меня из такого уютного мирка мастерской в неприветливый внешний мир. Вон и Садух молчит, дуется – у нас две перевозки на носу, и он понимает, что они, скорее всего, срываются.

– Садух!

– Чего? – стукнул стаканом, по-моему, уже порядочно напившийся партнер.

– Как ты думаешь, когда роды?

– У тебя что, мозги отключились? Сам считай! Я с вами за горами не шлялся!

Пьяная прямота старосты привела меня в чувство. Конечно, новость неожиданная, но не более неожиданная, чем очутиться в глубоком озере на другой планете через минуту после того, как отрываешь багажник собственной машины рядом с подъездом дома. Растерянность прошла, в голове начала выстраиваться ясная последовательность действий – в ней были и срочная подготовка самолета, и список необходимого для далекого путешествия, и еще множество мелких, но неотлагательных дел, не было только пьянки с Садухом.

– Ладно тебе, Садух! Ничего страшного не произошло! Слетаю, улажу свои дела и вернусь. Может, ты еще и бароном станешь.

– Очень оно мне нужно! Бароном я и без тебя стану, если

захочу.

– Ну тем более! Да и чего ты ворчишь? У меня обстоятельства непреодолимой силы!

– Чего у тебя?! – Садух развернулся в своем кресле, впервые посмотрев в мою сторону.

– Обстоятельства непреодолимой силы. Ну, это когда от тебя ничего не зависит – стихия!

Садух вернулся в кресло, которое, похоже, покидать скоро не собирался:

– Чего-то у меня какие-то смутные сомнения по поводу твоей родины в горах. Обстоятельства непреодолимой силы – это что, когда овец идешь продавать, а тебя бурей накрыло?

– Ну да. Или под камнепад попал, например. Садух, ты у меня останешься или тебя отвезти?

– Не отвяжешься! Здесь останусь – хорошо у тебя, вид красивый, тишина, никто мозг не грызет! Завтра отвезешь.

Я вздохнул – мне нужно не просто побыть одному, справиться с мыслями, составить список неотложных мероприятий, но и выполнить обязательную тренировку, которую старосте наблюдать вовсе не обязательно. Ладно, дождусь, когда он отрубится, а пока набросаю список.

В глубине мастерской резко потемнело – свет гаснущего солнца не справлялся с берущим свое вечером. Я зашагал к дальнему верстаку, где последнее время собирал навигационный планшет из подаренных Аной маяков. Там же стояли лампы, которые я использовал для освещения, – надо было

зажечь их заранее, чтобы потом не бродить в темноте среди колонн. Стоя у верстака, я оглянулся – на фоне золота гаснущего солнца, перечеркнутого темными силуэтами колонн, вырисовывался нахохлившейся птицей Садух. Отсюда, из темноты дальней стены казалось, что мир еще наполнен светом и теплом, но ночь уже стояла где-то рядом, неумолимо наваливаясь своим телом на скалу, мою мастерскую и мир вокруг. Похоже, я все-таки составлю компанию старому товарищу – у меня было чувство, что вместе с ночью надвигается новое время и мне следует проводить тот мир, в котором, как мне казалось, я уже обжился.

Рассветы в Облачном крае не впечатляли. Просто становилось все светлее и светлее – было ощущение, что солнце не участвует в этом. Сине-серый свет ранних сумерек медленно бледнел, избавляясь от синевы, пока не становилось ясно, что день вернулся – такой же пасмурно-блеклый, как и большинство других. Даже отблески золота, пробивающегося в разрывы облаков над долиной, не скрашивали его – низкое солнце еще не могло увидеть планету под таким маленьким углом, и пятна далекого сияния расцветят покрывало леса внизу гораздо позже.

Дождя не было – такое спокойное, такое привычное утро в Облачном крае. Как всегда, тепло – климат здесь, вообще, очень ровный. Садух остался, чтобы помочь мне со сборами – полночи я потратил, отбирая все, что, как мне казалось, могло понадобиться в путешествии. Привод самолета уже давно был перестроен из тех узлов, которые я заказывал в Саутриме, – теперь он, хотя принципиально и не изменился, имел тройное резервирование, которое уже успело спасти мне жизнь. Во время очередной скучной перевозки груза орешка от лагеря сборщиков на хутор Садуха самолет внезапно резко просел и, набирая скорость, устремился к деревьям. Добавив тяги, я легко выровнял машину и без происшествий добрался до места. Приземлившись, я выяс-

нил, что был на краю смерти. Если бы я не перестроил привод, утроив число кристаллов, каждый из которых вращался в собственном независимом механизме, то тот день с большой вероятностью стал бы последним в моей жизни. Осмотр показал, что в самой старой части привода, одной из трех, выдавило сальник на механизме вращения кристалла, а так как импульс на чебурашку этого механизма передавался не строго тангенциально оси его вращения, то вал, получивший небольшой люфт, радостно перекосившись, быстро нарезал канавку износа и в результате заклинил. Произошло все это стремительно, в течение одного полета, чему способствовала не очень качественная термообработка бронзы, из которой была изготовлена деталь. Скудное и банальное происшествие гарантировало бы всем на борту быструю смерть, если бы незадолго до этого я не переделал механизм. Ужас от осознания того, как долго мы рисковали жизнями, летая на этом пепелаце, еще долго преследовал меня, породив на некоторое время своего рода техническую паранойю, когда я едва ли не полностью перебирал привод почти после каждого полета.

Метатель все это время провалился под верстаком, никому не нужный и забытый. Когда я вытащил его, завернутый в грязную, покрытую неведомо откуда взявшейся пылью тряпку, то испытал некоторое сомнение – стоит ли тащить с собой этот немаленький агрегат? Не на войну же я собираюсь! Садух, из-за моего плеча рассматривавший чудовищную ма-

шинку, поинтересовался – что это? И после моих объяснений уверенно потребовал, чтобы я взял его. Мои жалобы, что нужен еще один член экипажа, чтобы пользоваться этим орудием убийства, не произвели на него никакого впечатления:

– Бери! На запад летишь, там пригодится!

– Садух, я ведь лечу на рождение ребенка, а не на штурм крепости!

Староста посмотрел на меня как на идиота:

– Бери! Спасибо скажешь! Если не понадобится, не выкидывай – у меня есть идея, как эту штуку использовать.

– Да ну тебя! – я отмахнулся. – Будет теперь эта дура болтаться!

– Что за дура?! – не понял меня Садух.

– Вот эта! – прокряхтел я, закидывая метатель на плечо.

Если честно, то в последнее время я гораздо больше полагался на те умения, которые появились у меня после боя на крыше, – на восприятие теней источника. Ничего фантастического, но тренировки научили меня сдерживать энергию, сбрасывать ее маленьким потоком или вообще пропускать через себя, не задерживаясь. Главное, что новые способности избавили меня от страха скелле. Я чувствовал себя почти суперменом, хотя, по сути, всего лишь перестал бояться. Между прочим, я научился сваривать металл, разогревая его крохотное количество в жидкое состояние, и по-настоящему гордился этим. Правда, получалось это только точно

– при попытке протянуть шов концентрация нарушалась и, как правило, металл – чаще всего это была бронза, отправлялся в лом, на переплавку. Именно возня со сваркой дала мне больше в совершенствовании управления новым талантом, чем все дурацкие тренировки в стиле «одинокый маг на вершине скалы мечет грома и молнии». Я догадывался, что скелле вряд ли впечатлятся визитом сварщика, но считал, что он все же способен постоять за себя, поэтому метатель взял с неохотой.

Моя гордость – новая подзорная труба. Линзы, конечно, делал не я – в Орнеже, оказывается, были настоящие мастера этого дела – мне даже не пришлось объяснять им, что такое фокусное расстояние. Более того, я лишь купил мастерски изготовленную подзорную трубу местного производства, а потом заказал переделку линз этой трубы – изготовленных из обычного стекла, на линзы из материала, который добывали в Радужном разломе. Этот минерал сильно уступал стеклу в оптических свойствах – имел иной коэффициент преломления, хуже пропускал свет, слегка окрашивал все в желтизну, но при этом был способен преобразовывать то излучение, которое шло от взаимодействия с потоком от источника, в видимый свет. Лучшим способом использования такой подзорной трубы был осмотр местности при полностью закрытой крышке – чтобы лучше видеть слабые пятнышки радужного света, будь то магические приводы или сами скелле. Пришлось немного переделать и корпус трубы, но резуль-

тат был великолепен – сверкая полированной бронзой и зеленея патиной мягкой меди на установочных кольцах, передо мной на рабочем столе лежала настоящая подзорная труба из фильмов про пиратов. Правда, диаметр ее был немного больше, чем у Джека Воробья, но и использовал я ее в специфических целях. До сих пор я не видел ей альтернативы при осмотре окрестностей в поисках скелле или следов их искусства. Я сам ощущал присутствие носителей таланта на расстоянии нескольких метров, не более. Скелле видели друг друга на дальностях не более пятидесяти метров, да и то это были лишь самые талантливые из них – большинство, по моим представлениям, ничего не видели уже дальше метров двадцати. Труба же позволяла видеть яркие мощные источники метров до ста и даже дальше. Она не раз выручала меня, давая такую нужную фору в общении со смертельно опасными представительницами ордена.

Я заботливо упаковал любимое устройство в потертый кожаный тубус, забросил его за плечо и, едва не споткнувшись о детали так и не собранного токарного станка, подошел к большому верстаку. Садух, относивший наверх к самолету ящик с провизией, затопал за спиной по лестнице. Я, не желая начинать новые многословные объяснения, поторопился разобрать агрегат, лежавший на потертом дереве столешницы, – навигационный планшет. Собственно, планшет представлял из себя простое устройство для определения угла между направлениями, задаваемыми парой маяков, – подар-

ка моей скелле. Призма, установленная в центре планшета, позволяла совместить звездочки, возникающие в каждом из маячков при наведении их на точки привязки, в одну точку в окуляре. После чего оставалось лишь измерить угол между маяками, стоящими в своих оправках. Дополнительно я настроил возможность измерять еще и угол между плоскостью планшета и горизонтом. Все вместе внешне напоминало секстант, развернутый почему-то в горизонтальной плоскости. Монтаж и настройка устройства заняли у меня изрядную часть времени после возвращения и до сих пор были не завершены. Мало было определить углы – важно было на их основе правильно вычислить свое положение на планете. Сделать это без математической модели поверхности планеты было почти невозможно. Виutih, в свое время очень воодушевленный идеей определять положение на карте по углу между маяками, даже не представлял, сколько непростой математики лежало между одной цифрой, которую давал псевдосекстант, и реальными координатами на карте. Карта – вечная память погибшему монаху, сфотографированная на земной планшет, единственная дарила надежду на успех. Но так как никаких физических параметров планеты у меня все еще не было, то еще предстояло откалибровать результаты, которые я получал после вычислений с реальными точками на этой карте. В настоящий момент мои расчеты уверенно показывали точку на границе долины Дона и Облачного края, где я обретаюсь. Но я был уверен, что стоит мне пере-

лететь подальше, и возникнет неизбежная ошибка, связанная с тем, что множество параметров я вводил наобум, ориентируясь на время в пути, предполагаемую дальность перелетов и прочее. Можете представить, насколько точный диаметр планеты я вывел, пользуясь такими данными. Возня с этим устройством отняла много сил и времени, а его использование без помощи земного планшета было почти невозможно. Всю математику, которую я набросал самостоятельно и чем очень гордился, я завел в программу на планшете – примитивный, но вполне функциональный аналог бухгалтерских таблиц. И теперь мне нужны были реальные данные, мне нужно было измерить ошибки вычислений как минимум в трех различных известных точках на планете, чтобы откалибровать модель. Без этого лететь через океан было бы безумием. Так что возможность поработать с навигатором на крайнем западе континента воодушевляла.

Собирая в коробку устройство, я испытал некоторое смущение, так как, отправляясь к женщине, собиравшейся рожать моего ребенка, радовался возможности настроить механизм, который был нужен, чтобы улететь за океан – почти в другой мир. До этого я как-то не думал о таком аспекте. Да, неожиданная новость разрушила мой уютный мирок, но я не думал о том, что она может угрожать моей цели – цели, которая придавала смысл моему существованию на Мау.

Садух прервал мои раздумья:

– Ну что, все взял? Там еще пару ящиков можно впих-

нуть!

– Самое важное – запчасти для самолета. Без них я там застряну.

Староста глубоко вздохнул и недовольно пробурчал:

– Ты там в любом случае застрянешь.

Я собирался возразить ему, даже набрал воздуха, мозг успел провернуть свои шестеренки, но все, что я нашелся ответить после небольшой паузы, было:

– Поехали уже.

Широкая деревянная лестница, прячась под отдельным навесом, вела вдоль боковой скалы на просторную крышу. Древесина неизвестной мне породы оставалась некрашеной, открытой всем ветрам и дождю. На Земле бы она уже потемнела, приобретя скучный серый оттенок, – эта же становилась все светлее и светлее, покрываясь от непогоды красивыми синими разводами. Мне нравилась моя крыша – на ней я чувствовал себя как на вершине небоскреба. Во всю свою ширь распахивался горизонт, небо подбиралось ближе и обнимало меня сверху, ожидая, когда я поднимусь к нему навстречу. Далеко внизу простирался мир, ждущий своего исследователя, – серые, бурые, серебристые пятна бесконечного леса, прочерченного следами невидимых рек, прячущихся под высоченными кронами. В принципе, стоя здесь, я как бы летел – далекий лес внизу, плывущие навстречу близкие облака. На старосту, по-видимому, открывающийся вид тоже производил впечатление – он любил сидеть на самом краю

деревянной крыши, свесив ноги и потягивая орешек. Вот и сейчас он застыл, уставившись в сторону далекого запада, пока я разгружался и фиксировал ящики в кабине самолета.

Новый пластик лобового остекления был почти совершенен – в отсутствии частого солнца он не успел пожелтеть или помутнеть, мелкие пузырьки, от которых почти невозможно было избавиться в этих условиях, в рассеянном свете пасмурного дня были почти не видны. Я устроился в своем кресле – опыт путешествий воплотился в мягкой подушке и удобных подлокотниках. Пристроил свой земной планшет вместо панели приборов – его главным функционалом оставались альтиметр и компас, да и просто с кусочком земной техники кабина самолета приобретала родной и привычный вид. Приоткрыл боковое окно, проверил климатическое ведро, верно работающее на ядре, настроенном еще Аной. Пора лететь.

Садух забрался в кабину, закрыл и запер за собой боковую дверь, пыхтя и тихо ругаясь, пробрался на соседнее кресло. Устроившись там, удивленно посмотрел на меня:

– Чего сидишь? Чего ждешь?

Я, ничего не ответив, снял механизм со стопора – сразу неровно зашуршали приводы, сдвинул строенный рычаг вертикальной тяги – самолет вздрогнул и, шаркнув лыжами по крыше, стал быстро набирать высоту. Небо раздвинулось,хватило половину мира и начало медленно опускаться на летающую машину. Внизу раскрылась пропасть, и я развер-

нул самолет в сторону плато. Мелькнули скалистые обрывы и осыпи на границе Облачного края, проплыла моя скала, лес, сражаясь за влияние с небом, вновь подпрыгнул в попытке поймать ускользающую машину и провалился назад, не преуспев.

Близость океана ощущалась задолго до того, как я его увидел – по изменившемуся цвету неба, по мягкому, с непередаваемым вкусом воздуху, по неуловимому запаху ветра. Равнина внизу простиралась бесконечным серебристым ковром, исчерченным бурыми узорами высокой растительности вдоль русел немногочисленных рек. К югу от меня где-то пряталась за сверкающим на солнце серебром обширная дельта Дона, помеченная в небе цепью кучерявых белых облаков. К северу уходила до горизонта та же равнина, выглядящая как настоящее темно-серое море, на фоне которого легко затерялась тень моей бесшумной птицы. По сторонам мелькали небольшие поселения – скорее хутора по земным меркам. Глаз уже зацепился за темную полосу, пунктиром протянувшуюся поперек моего пути далеко на западе. Я оглянулся в кабине – под потолком поблескивали быстро вращающиеся приводы, закрепленные ящики и большой инструментальный сундук уютно отдыхали в глубине. Кроме привычного шума несущегося за обшивкой воздуха, был слышен лишь тихий стрекот механизмов.

Полоса впереди стремительно надвинулась, оказавшись невысоким лесом, напомнимшим тот, в котором я отсиживался под Саутримом, – ветвистые деревья с обширными кронами напоминали капусту брокколи. За дальней кромкой

этого леса уже виднелась синева океана, отчеркнувшая строгой линией далекий горизонт. Лес закончился. Между ним и обрывистым берегом лежала изрезанная полоса холмистого края плато, покрытая знакомыми кустиками. Они мелькнули внизу недалекой серой полосой, и в следующее мгновение меня поглотил океан – сверкающая плита темной воды, покрытая барашками волн.

Я сбросил скорость и развернулся. Когда я в прошлый раз летел в поместье Уров, то меня направляла Ана, родившаяся и выросшая в этих местах. Кроме того, мы прилетели сюда уже поздно вечером, и в результате я, разумеется, не запомнил никаких ориентиров. Повиснув в воздухе, гонимый ветром назад в сторону берега, я задумался – куда лететь, на юг или север? Шум воздуха за обшивкой стих, мирно шуршали приводы движителя, в открытое боковое окно ко мне пробивался лежавший внизу океан, залитый солнцем. Недалекий обрывистый берег напоминал тот, который я видел в прошлый визит, но полоса пляжа снизу была узковата – я помнил, как искал площадку для аварийной посадки в темноте, и тогда пляж был гораздо шире, местами засыпанный крупными камнями. Береговой обрыв плавно понижался в направлении дельты великой реки, и я направил машину на север.

Лететь пришлось довольно долго, около часа по земному времени. Поместье издали напоминало древнюю крепость, заброшенную ожерельем башен на макушку округлого хол-

ма, возвышавшегося над округой. Стали видны детали, которые я не заметил в прошлый раз, – весь комплекс построек состоял из нескольких квадратов дворов, сцепившихся вместе в длинную букву «Г» с короткой загогулиной. Каждый угол оформлялся массивной башней, стены крепости впечатляли своей шириной и солидностью – были они невысокими, но под широкими крышами, накрывавшими их, прятались открытые галереи, выходившие на внутренний двор, а также жилые и хозяйственные помещения, формировавшие внешние обводы псевдостен. Камера, в которую меня тогда посадили, как раз и была одним из таких помещений. Я облетел поместье со стороны моря, внимательно разглядывая его и выбирая место для посадки. Было видно, что это не настоящая крепость в земном понимании – стены не имели проходов поверху для обороняющихся или каких-либо иных приспособлений для боя.

Быстро проскочив здания, я заложил вираж, разворачивая самолет, и увидел в отдалении на голой лысой макушке соседнего холма хорошо видимую контрастную звезду почерневшей горелой почвы с нетронутым пятачком посередине. Сердце дрогнуло. Видимо, роды уже состоялись. Немного пугал масштаб последствий – конечно, скелле опасные штучки, но я еще не слышал, чтобы женщины теряли сознание во время родов. Уверен, что я не большой эксперт в этом, но моя бывшая жена, все ее подруги, куча земных книг и знакомых – никто не упоминал о потере контроля со стороны ро-

жениц. Роды для человека – зачастую тяжелый и мучительный процесс, некоторые, как моя бывшая, например, сравнивали их с пыткой, но я, лично познакомившийся с пытками, склонен был считать это преувеличением. По моему малокомпетентному мнению, должно произойти что-то чрезвычайное, чтобы скелле полностью потеряла контроль. Пятно на холме напоминало последствие взрыва авиационной бомбы тонны так на полторы, а не место счастливых родов.

В крайнем с юга дворе появились какие-то люди – меня, как мне показалось, заметили. Три человека вышли из галереи и неподвижно стояли, наблюдая мои маневры. Развернув машину носом навстречу ветру с океана, я аккуратно посадил ее в самой середине обширного, покрытого светлой плиткой с геометрическим узором двора. Троица, встречавшая меня, была мне незнакома – все они были белые, точнее сказать, светлокожие, мужчины в непривычной для меня одежде. Самолет последний раз качнулся, успокаиваясь, я зажал все стопора, останавливая приводы, и посмотрел на встречающих через открытое окно – те не двигались, лишь немного разойдясь в стороны. Я пробрался к двери, открыл ее, и прежде чем выпрыгнуть наружу, крутанул зажатый в пальцах кристаллик соли, вытягивая руку к невидимому источнику, разгоняя внутренний жар.

Чистая красивая плитка двора – ни пылинки, ни соринки. На мгновение я замер, осматриваясь, – знакомые галереи по периметру, высокая округлая арка, ведущая в соседний

двор, добротные дома-башни по углам и синее небо с редкими высокими перьями облаков сверху. Далеко огибая нос летающей машины, вышел один из встречающих – высокий смуглый обитатель Мау с короткой стрижкой под горшок, одетый в длинную, до колен, не застегивающуюся безрукавку, из-под которой виднелся широкий пояс в цветах Уров и длинный кинжал на нем.

Я кивнул: – Здравствуйте.

Незнакомец, ничего не ответив, протянул руку, приглашая меня пройти через арку в соседний двор. Я уже немного привык к местному обычаю не здороваться и не прощаться, поэтому отнесся к его неразговорчивости спокойно. Кивнув парню – его товарищи не показались из-за самолета, я направился, куда было предложено. Парень остался стоять на месте. Проходя в тени арки, дохнувшей на меня приятным сквозняком, я оглянулся – тот по-прежнему стоял на месте, провожая меня взглядом, пара его товарищей маячили вдали. «Теплая встреча», – подумалось мне, и я зашагал по пустому двору, пересекая его. У высокой угловой башни, покрытой красивой бледно-розовой штукатуркой, суеились люди, несколько женщин стояли тесной группой чуть в стороне, слышались какие-то крики и шум из широких распахнутых то ли дверей, то ли ворот первого этажа. Я уверенно шагал в направлении суеты через широкий двор, напоминающий настоящую городскую площадь, когда люди у входа метнулись в разные стороны – секунда, и на площади остался

я один, еще секунда, и мне навстречу выскочила разъяренной фурией моя скелле.

Она на мгновение остановилась, увидев меня, всмотрелась и уже медленнее зашагала, приближаясь. Я напрягся – это не было похоже на радость от моего появления. Прекрасное лицо было каким-то изможденным, осунувшимся, покрасневшие глаза, а еще, мне показалось, ненависть в их глубине. Я, все больше хмурясь, шагал ей навстречу.

Ана не дошла до меня метров пяти, остановилась, зашипела, как змея, и выплюнула со злобой мне в лицо:

– Зачем ты явился?!

Оторопевший, я осторожно приближался к моей скелле, но ничего ответить не успел.

– Не приближайся! Скотина! Зачем ты явился?!

– Ана, что случилось? – меня начинало потряхивать, нервы сжались в тугой комок, бешеный веер лепестков теней колотил меня по голове так, что я уже поплыл, как тающая свеча.

– Ты спрашиваешь?! Это все из-за тебя! Если бы ты не явился, этого бы никогда не произошло! – с искаженным лицом на меня бешено орала незнакомая темнокожая женщина. – Чтоб ты сдох, сволочь! Умри, чужая скотина! Сдохни! Убирайся туда, откуда явился!

Ана затряслась, я сделал еще шаг к ней, она подняла кулаки, как будто собиралась напасть на меня, и в тот же миг тени, которые и так лупили меня без жалости, обрушились

раскаленными ударами на мою голову. В глазах поплыло, нестерпимый жар едва не разорвал меня в пепел, и я судорожно, уже ничего не соображая, стряхнул его на площадь позади себя.

Стало легче, вернулось зрение и вместе с ним боль от горящей спины, я машинально сделал шаг вперед и вбок. Уже не сбрасывая огонь, затопивший мое сознание, – тот, не спрашивая меня, неся жгучим потоком мимо, куда-то назад и в сторону – я чувствовал себя жареной курицей, обдуваемой раскаленным воздухом новомодной конвекционной плиты. Моя виртуальная поджаренная кожица должна была сгореть в уголь от этого тепла, но я почему-то отчетливо осознавал, что в реальности горит и воняет паленой тряпкой только моя одежда, да согревает мое тело не воображаемый, а вполне реальный жар от раскаленных камней позади. Как я уже не раз убеждался, тогда, когда мое сознание плавится в воображаемом огне, мне нужен огонь реальный, чтобы снять дисбаланс настоящей и мнимой температуры, от которого я страдал намного сильнее, а главное, реальнее, чем от виртуальных ощущений. Внезапно поток боли прекратился, я покачулся – видимо, неосознанно мышцы напрягались, сопротивляясь воображаемой реке, скелле с побледневшим испуганным лицом отпрянула, я дернулся от прикосновения обожженной одежды к спине, оглянулся и остолбенел. Пятно раскаленного камня метров пяти в диаметре ворочалось красно-черными сгустками посреди площади. Ветер с моря

отгонял вонючий жаркий дым, поднимающийся вертящимися клубами высоко в небо. Вся восточная сторона двора была затянута этой жгучей вонью, но, кажется, ничто больше там не горело. Я инстинктивно попятился от края бездны, которая, мне показалось, выглядывала из раскаленной ямы. Когда, оправившись от потрясения, я повернулся, Ана исчезла.

Сбросив дымящуюся одежду, я усталое добрал до ближайшей тенистой галереи и уселся прямо на пол, привалившись спиной к прохладному камню. Во дворе замелькали люди, кто-то что-то делал, все старательно обходили шипящую и трещащую сковородку посреди двора. Та долго не сдавала свои позиции, продолжая еле слышно урчать от недовольства. Как ни странно, я был благодарен ей – жар плавящегося камня спас меня от крайне неприятных последствий. Кроме сильной усталости и чувства опустошения, я практически не пострадал.

Не знаю, сколько я так просидел. Сковорода перестала дымить, с того места, где я устроился, было видно лишь жаркое колышущееся марево над серединой двора. Пора было встать и заняться делом – попытаться для начала выяснить, что здесь произошло. Одно страшное, непоправимое чувство медленно овладевало мною – я только что потерял свою скелле.

Яхта Сама готовилась к выходу. Владелец в нетерпении вышагивал по палубе, поглядывая на высокий склон, за которым пряталось его имение. Надо было торопиться – если верны его предположения, то любая минута может стоить дорого. Матросы старались лишний раз не пересекаться с хмурым хозяином – он всегда был справедлив и с уважением относился к команде, но люди его боялись. Поговаривали, что к нему с опаской относился даже нынешний монарх – кстати, рекордсмен на троне, пересидевший двенадцать предшественников.

Подходящая бухта для небольшого флота Уров пряталась в коротком ущелье, прикрытом от моря выступающим в море широкой подковой мысом, на противоположном склоне которого стояло имение семьи. Чтобы подняться домой, владельцы должны были совершить настоящее восхождение по деревянной лестнице, прилепившейся к склону холма длинным светлым ожерельем и исчезающей за краем камня и неба. Небольшой причал приютил любимую игрушку аристократа древней крови и несколько мелких судов, служивших основным транспортом для жителей. Почти каждый день при хорошей погоде суда ходили по делам и за припасами в Арракис или лежащий в дельте Азур.

Сам остановился, задрал голову, – по лестнице бежал, раз-

махивая рукой, человек. «Что-то случилось в имении», – подумал хозяин, решительно направившись на причал.

– Яурмер, Хаттуга, за мной! – не глядя, скомандовал он, уверенный, что все, кому надо, услышат его приказ.

Посыльный, заметив, что ему навстречу уже идут, остановился и, оглядываясь, не спеша стал подниматься назад. Сам и догнавшие его запыхавшиеся матросы нагнали того уже почти наверху.

– Хозяин, прилетел человек, о котором вы предупреждали, на большом ящике с хвостом. Уругер и его люди вышли встречать, – торопливо, не дожидаясь, пока Сам подойдет вплотную, доложил молодой парнишка.

– Дочери сказали? – нахмурился Сам.

– Не знаю, хозяин! Уругер меня сразу же к вам услал. – Паренек остановился на площадке, пропуская хозяина и матросов вперед.

Лестничный марш обрывался на входе в красивый четырехугольный портик из выгоревшей и высушенной на солнце и ветру, твердой как камень, ослепительно белой древесины. Это было единственное место над береговым обрывом, откуда можно было одновременно видеть и имение, раскинувшееся на открытом ветрам холме, и глубокое ущелье, приютившее маленький флот. Ветер тут же подхватил одежды людей, остужая разогретые стремительным подъемом тела. Справа сверкал на солнце океан, слева, насколько хватало глаз, до далекой полосы деревьев раскинулось ровное открытое

пространство, плотно усеянное высокими, до пояса, серебристыми кустиками, перемежающимися темными приземистыми деревьями буххи, напоминающими выпуклые зонтики, раскрытые прямо посреди серебристого моря. Впереди ослепительно сверкали белые стены и светлые башни имения.

Порыв ветра не помешал услышать низкий пульсирующий ревущий звук, пришедший оттуда. Следом за ним над такими родными для Сама стенами взметнулся быстро вращающийся клуб белесого дыма, настигаемый такими же стремительными, по виду горячими, собратями. Минуту спустя, когда люди добежали до ближайших ворот, над имением развернулся длиннющий дымный хвост, увлекаемый ветром к далеким деревьям на горизонте. Пока Сам сориентировался, где находится эпицентр рева, тот внезапно прекратился, несмотря на то что дым продолжал нестись к небу. Дым не черный, значит, это не пожар, – успокаивал себя хозяин имения, стремительно шагая на двор, где располагалась личная башня дочери. Дворни видно не было – никто не носился с водой или вещами, спасая имущество. На Сама накатила уверенность, что виной реву и грандиозному хвосту странного дыма была Ана. Быть может, то, чего не смог добиться он сам, наконец-то сделает его дочь – избавится от такого ненужного, такого лишнего пришельца, уже дважды почти лишившего его любимого ребенка – дочери, как две капли воды, по мнению Сама, похожей на его погибшую же-

ну.

Стремительно миновав проход в стенной галерее, Сам остолбенело остановился, разглядывая открывшуюся ему картину. Просторный обширный двор, более напоминающий своими размерами площадь в Арракисе, был выложен красивейшими розовыми плитами, которые он лично привез с погибшего континента по заказу своей жены. Сейчас часть этих плит – огромное безобразное пятно, шипело и трещало почти посередине двора. Камни частично расплавились, превратившись в тускло мерцающую красным жаром вязкую субстанцию, в которой темнели черными угловатыми льдинками уцелевшие останки плит. Они медленно двигались, наклоняясь и переворачиваясь, формируя завораживающего вида пугающий водоворот. Постройки и стены напротив колебались и дрожали в потоках раскаленного воздуха, вздымавшегося над жутковатым пятном. Дым почти прекратился – только переливающаяся тень извивалась на уцелевшем покрытии двора, там, где свет солнца споткнулся о столб раскаленного воздуха.

Сам не решался подойти ближе – жар от раскаленной топки ощущался даже от того места, где он стоял. С подветренной стороны засутилась дворня, поливая водой деревянные столбы галереи и растаскивая какие-то вещи, ненароком очутившиеся на пути хвоста горячего воздуха. Матросы выдвинулись вперед, защищая своего хозяина, но предпочли разойтись в стороны, поближе к стенам двора. Наконец, кто-

то из прислуги заметил хозяина, и мгновение спустя к нему подскочил Уругер – его начальник охраны. Он был несколько ошарашен и смущен – какой ты начальник охраны, если ничего не можешь поделаться с теми силами, которые бродят по имению, за которое ты отвечаешь?

– Что здесь произошло? – уже несколько успокоившись, спросил Сам.

– Хозяин! Прилетел на сарае с хвостом человек, о котором вы говорили, – по-прежнему смущаясь, начал Уругер. – Госпоже кто-то доложил. Я команду не давал.

Сам покосился на охранника, но ничего не сказал.

– Госпожа велела впустить его. Мы встретили, направили в этот двор. Больше ничего сделать не успели. Выскочила, – он кашлянул, поправился: – Вышла госпожа, что-то закричала и напала на того. Ну, этого, который прилетел. Шибанула так, что мы и не думали, что выживем уже! Из этого парня пламя, как поток, лилось! Да он сам был как пламя! Думали, что он в дым обратится!

Уругер замолчал. Сам уже сделал шаг вперед, остановился и обернулся к последнему:

– Что значит думали? Он что, не сгорел?! – Сам оглянулся на продолжающий тихо урчать водоворот остывающего камня посреди двора.

Охранник в удивлении приоткрыл рот, махнул рукой в сторону в направлении галереи:

– Так вот же он.

Глава семьи Ур, хозяин имения резко обернулся. В тени галереи, прислонившись спиной к стене, сидел полуголый человек. Сам всмотрелся – это был Илия, без сомнений. Вид у того был усталый и какой-то равнодушный. Рядом на полу галереи грязной кучкой лежало то, что, видимо, было его одеждой. Глаза Ильи и Сама встретились, несколько мгновений они смотрели друг на друга молча, затем Илья встал, посмотрел с сомнением на грязную кучу у своих ног и зашагал навстречу. Сам походя отметил, что тот в хорошей физической форме, заметил, что у землянина имелось еще и некоторое количество волос на груди. Поморщился – прямо как животное какое-то. Что в нем Ана нашла?

– Ну, здравствуй, Сам!

Илья, слегка перемазанный сажей от испорченной одежды, рослый, крепкий мужчина с чужими чертами лица («Как его могли принять за муна?» – подумал Сам.) стоял напротив пугающе спокойный. Охрана, почувствовав что-то, зашевелилась, но Сам дернул головой, и те, похоже, с облегчением, испарились.

– Здравствуй, Илия. У нас с тобой очень мало времени. Иди за мной. Расскажу все по пути – надо срочно идти в Арракис.

Илья равнодушно выслушал Сама:

– Объясняй здесь и сейчас, если чего-то от меня хочешь.

Он непонятно зачем всмотрелся в тень двора у дальней галереи – стало видно, что штаны на нем обгорели до дыр,

вытянул в том же направлении руку с каким-то шариком и, пару раз повернув последний, как будто любовался им, вновь посмотрел на Сама. У того почему-то похолодело под сердцем, он почувствовал себя на краю пропасти. Перед ним был не странный бродяга, когда-то в незапамятном прошлом за чем-то подобранный взбалмошной дочкой, а нечто иное – опасное и неуничтожимое, как будто древняя сказка оживала на его глазах. Быть может, Ана и не осознавала, что делает, но в любом случае ему следовало принять выбор скелле – не ему, пусть даже и самому мудрому и опытному, вмешиваться в дела искусства. В этот момент Сам испугался, что своими неуклюжими попытками избавиться от пришельца шел наперекор самой судьбе и вот теперь должен будет расплатиться сполна.

Острая оконечность яхты легко резала пологие голубовато-прозрачные валы из живого стекла, накатывающие из далеких океанских просторов. Судно выбиралось из узости ущелья, двигаясь навстречу синему морю и бесконечному небу. Я стоял босиком на теплой, казавшейся бархатной палубе, наслаждаясь солеными брызгами, которые ветер, играясь, швырял мелкими горстями в лицо, и обдумывал свалившиеся на меня новости.

Сам рассказывал долго. Сначала, стоя прямо на обезображенной площади, явно нервничая и то и дело поглядывая на башню, в которой скрылась Ана, он сообщил только суть произошедшего. После чего, когда я уже забрал из самолета рюкзак с самым необходимым и спешил вместе с ним на уже ждущее нас судно, сверкая горелыми дырами в штанах, он, уже немного успокоившись, рассказывал, почему не поверил случившемуся и какие сомнения его мучили.

На роды пришло судно из Арракиса, доставившее повитуху-скелле. В положенный срок Ана закрылась в родильной с пожилой, но веселой, жизнерадостной женщиной. Сам, как и все остальные, по древней традиции ждали известия в имени. Пара человек была посажена наблюдать за родильной, к ним присоединился слуга повитухи. При благополучном разрешении та обычно отправляла сообщение – насколько

хватало ее искусства. Кто-то устраивал фейерверки, кто-то громы и молнии – у кого на что фантазии и умения хватало. Большого волнения Сам не испытывал – повитуха-скелле сама по себе была гарантией благополучного исхода. Уже много лет носительницы дара рожали без особых эксцессов. Ну разнесут ради облегчения все в округе – на то они и скелле. Главное, что сами роды, как правило, заканчивались благополучно.

Ночью в районе родильной гремело и грохотало. Зарево освещало окрестности не хуже грозы. К утру все стихло, но знака о разрешении не было. Сам порывался отправиться к одинокому домику лично, но слуга повитухи категорически был против и сказал, что по правилам именно он отправится туда с рассветом. До этого, по его словам, никто не вправе нарушать таинство.

Едва посветлело, не дожидаясь полноценного явления солнца, слуга ушел. Полчаса спустя он пронесся, не останавливаясь, мимо наблюдателей, к которым присоединился и хозяин имения, по направлению причалов. Все, что удалось разобрать из его истеричных криков, было, что роженица убила повитуху и собственное дитя. Ошарашенный Сам не успел задержать вопящего слугу, разнесшего новость по всем встречным, и направился к родильной. На месте обнаружили следы ночного катаклизма и ложе с бессознательной Аной. На пятьдесят метров в окружности все было уничтожено. Явившиеся люди не смогли найти никаких сле-

дов бывшего строения, кроме почерневшей обугленной почвы. Никаких трупов также найдено не было, как и чего-то, что хоть как-то напоминало бы человеческие останки. Сама Ана и кровать под ней, похоже, были единственным, что уцелело. Обычная женщина из прислуги осмотрела роженицу и заявила, что с той все в порядке, роды прошли благополучно. Естественно, о том, что произошло на самом деле, она ничего сказать не могла. Не прояснила произошедшее и вскоре пришедшая в себя Ана, которая ничего не помнила.

Нечего и говорить, новости, которые вскоре дошли до несчастной, совершенно убили ее. Вы можете вообразить что-либо ужаснее, чем осознание того, что вы убили собственного ребенка? Никакие усилия отца не могли вытравить зерно ужасного подозрения, упавшего в душу Аны.

Однако Сам воспринял всю эту историю, как и подобает человеку, отвечающему за семью. Его насторожило то, что судно, которое привезло повитуху, отчалило сразу же, как только слуга последней добрался до него. Он не нашел трупов или следов смерти людей, а верить истеричным крикам пробегающего мимо незнакомца — было не в его правилах. Искать на месте было нечего, и он велел готовить яхту к выходу. Перехватить судно он не успевал, но основные возможности семьи, ее связи и влияние базировались на Арракисе — значит, именно туда и следовало идти Саму.

Палуба накренилась, судно медленно, будто с трудом, взобралось боком на очередную пологую громаду и, описав но-

сом замысловатую дугу, перевалилось на другой борт – яхта начинала разворот на юг вдоль берега, и длинные океанские валы, накатывающие с запада, грозили помотать нервы и кишки экипажу и пассажирам.

Свежий ветер остужал обманчивое солнце – человеку, просидевшему полгода в Облачном крае, это грозило предсказуемыми последствиями, и я перебрался под тент, натянутый на баке яхты. Свое обгоревшее тряпье я сменил на типичную одежду матросов уже на борту – времени на сборы на берегу уже не было, а на воде его было сколько угодно. Только к вечеру судно войдет в дельту великой реки, и, скорее всего, нам предстояло еще провести ночь в Азуре – небольшом портовом городе почти на краю моря. Сам сначала предложил мне что-то достойное из одежды, с его точки зрения, но я попросил скромную морскую экипировку, которая своей простотой и функциональностью напоминала земную джинсу. Кроме всего прочего, как показал опыт, мне было лучше оставаться неприметным матросом, чем небезызвестным разыскиваемым убийцей.

На душе было мутно. В очередной раз все мои планы и проекты пошли коту под хвост. Если неожиданное рождение ребенка грозило лишь временными задержками и объяснимыми осложнениями, то кошмарная история с мутным продолжением ставила передо мной совсем другие задачи, которые никак не напоминали поиск отважным исследователем ответов на загадки чужой планеты. В очередной раз мои

мечты грубо ломала обычная жизнь.

Семья, любимая женщина, дети – вот подлинный смысл жизни. Но видели ли вы когда-нибудь памятник отличному семьянину? Люди чтут героев и первооткрывателей, мечтают о покорении звезд и тайн вселенной, грезят далекими путешествиями и головоломными исследованиями. Кого интересует мнение жены отчаянного путешественника о нем самом? О том, как дети остались на долгие годы без отца, как жена была вынуждена скитаться по родственникам, пока тот, кому потомки воздвигнут монументы и чьими именами назовут острова и улицы городов, бороздил просторы далеких морей. Как и любой нормальный мужчина, я с детства знал, что должен – семье, государству, родине, родителям и друзьям. Но, как и любой нормальный мужчина, мечтал я о совсем другом – пусть эти мечты и были у каждого свои. Наверное, именно поэтому, когда безжалостная цена межзвездного путешествия поставила между семьей и мною барьер в долгие двенадцать лет, я так легко принял это. Невообразимая космическая рулетка дала мне шанс избавиться от мнимых и реальных долгов, отправиться по дороге, сулившей невероятное приключение с шансами на грандиозный приз.

Пологие валы инопланетного океана равнодушно скользили за бортами судна, построенного переселенцами из земного мезолита. Незнакомая растительность окаймляла далекий обрывистый берег. Где-то в неизвестной дали прятался загадочный остров, сохранившийся со времен грандиозной ката-

строфы, положившей конец местной цивилизации. Представительница магического ордена признала во мне загадочного эля, к которым я вряд ли имел какое-то отношение. Так и не разобравшись до конца в истоках местной магии, я приобрел неожиданные способности, которые тоже ждали исследования. И все это сейчас медленно уплывало вдаль, минуя меня, остающегося в тисках долга.

Я вздохнул. Ладно, пойду проверенным путем – буду решать проблемы по мере их появления. В любом случае невыносимо оставить собственного ребенка, когда я ему так нужен, если он, конечно, существует.

Сзади бесшумно появился гостеприимный хозяин яхты – высокий темнокожий Сам со следами седины в длинных прямых волосах надел выгоревшую на солнце до ослепительной белизны матросскую рубашу, отчего стал похож на героя латиноамериканского сериала. Разве что, вопреки шаблону, белозубая улыбка не украшала его лицо – Сам был хмур и задумчив.

– Насколько я понимаю, в Арракис мы никак не успеваем? – спросил я его.

– Есть будешь? – невпопад ответил Сам, присаживаясь рядом.

Живот крутнуло, минутные сомнения ушли, не материализовавшись:

– Не откажусь. Вот только, наверное, не в каюте. Здесь вроде бы нормально, а внутри, боюсь, будет мутить – волна

боковая и длинная. На нее глядеть и то щекотно.

Сам вытянул ноги на банке у стены надстройки и откинулся назад – похоже, до вечера можно расслабиться.

– Неси сюда. – распорядился он кому-то, кого я так и не увидел из-за угла. На мгновение даже показалось, что он командовал мне, но бодрый голос невидимого матроса развеял иллюзию:

– Пять минут, хозяин.

Сам уже громче, вслед удалявшемуся голосу добавил: – И капитана зови!

Голос не обманул – минут пять спустя на столе разлеглись несколько видов местного аналога сыра, копченые колбаски, свежие лепешки из сердцевины съедобного бамбука и длинное блюдо со свежеприготовленным и разделанным на клочки морским лохом. Я вытащил из кармана и бросил на стол упаковку первосортного орешка, но, кроме меня, никто употреблять его не стал. Сам и присоединившийся к нам капитан пили ненавидимый мною настой каких-то вонючих морских водорослей. Капитана звали Мат, он был из древних – даже не темный, а по-настоящему черный и, насколько я понял, приходился дальним родственником Урам.

– Сам! Так за кем мы гонимся, если эта калоша со слугой якобы погибшей скелле уже в Арракисе? Его, скорее всего, уже не найти – по крайней мере быстро. Да и если предположить, что они увезли еще кого-то, то их уже тоже ищи-свищи.

– Чего? Свищи? – капитан уставился на меня.

В отличие от него Сам не обратил никакого внимания на обороты моей речи, он флегматично продолжил жевать лоха, проглотил кусок и только после этого ответил, всматриваясь в далекий берег:

– Ну, калоша, как ты ее назвал, дальше реки не убежит. Экипаж весь на берег не сойдет. А они по-любому что-то видели, что-то слышали. Кроме того, маршрут-то они помнят – куда шли, кто командовал, где кого брали на борт, где высаживали – ну, и так далее. Да и капитан явно имел какие-то инструкции. Если жив еще, то он мне все скажет. – Лицо Сама неприятно дернулось.

– А я зачем? – не отставал я. – Я детективы, конечно, любил, но полагаю, что реальное следствие и истории о нем – разные вещи.

На Мау в ходу было популярное чтиво про отважных следователей, поэтому никакого непонимания моя фраза на этот раз не вызвала. Как ни странно, но ответил Мат:

– Ты будешь силовой поддержкой, на случай если скелле осмелятся вмешаться.

– Осмелятся?

– Ну, да. Если они вмешаются, то считай, что сделают признание – мол, так и так, мы имеем к этому отношение. Но они бабы дурные, могут решить, что проще поджарить любопытных мужиков, чем играть в какие-то игры.

– Ладно. Допустим. А власти не при делах? Им все равно,

что мы будем там делать?

Сам прекратил жевать и уставился на меня в удивлении и даже некотором недоумении. Вновь за него ответил капитан:

– Что значит власти? А Сам кто?

– Ну, в Арракисе же есть какие-то власти? – не сдавался я.

Капитан и хозяин судна переглянулись:

– Ты где его взял? – без видимого пиетета спросил Мар у отца моей скелле.

Сам вздохнул, на его губах впервые проступила улыбка – похоже, его забавляли мои вопросы:

– Я Ур. На территорию монарха я не посягаю. Дела обычных граждан судить не берусь. Какие могут быть ко мне претензии? Я занимаюсь собственной семьей – мои права здесь выше, чем у Бо! Все, что касается Уров – дело Уров! Вряд ли Бо имеют к этой истории какое-то отношение.

– Ладно, ладно! – поспешил я успокоить возмущенного аристократа. Бо, если я еще не говорил, семейное имя избранного монарха на Мау, правящего в данный момент.

– Значит, моя задача – изображать матроса. Ну, там, принеси – подай. А если вдруг скелле объявятся, то я их раскидаю и будет нам счастье?

Мои собеседники смотрели на меня совершенно серьезно. Сам спросил:

– А ты сможешь?

– Что? Раскидать?

Он кивнул. Я неожиданно понял, что они совершенно се-

рьезно рассчитывают на меня – в глазах Сама не было и тени шуток. Я задумался. Конечно, непосредственное воздействие скелле я отобью – по крайней мере до сих пор у меня это получалось. Но что если они задействуют своих профи? Что если меня долбанут какой-нибудь сосулькой килограмм под тридцать или запустят шарик из плазмы в несколько тысяч градусов? Я был совершенно не уверен в результате. Против одной скелле я еще могу предположить, что делать, чтобы отбить такую непрямую атаку, но если их будет двое или трое? Скорее всего меня просто убьют. До сих пор мне везло, так как сестры не видели во мне ни малейших следов дара и относились как к декорации – к мебели. Да и тогда, когда начинали о чем-то догадываться, то действовали всегда напрямую, без лишних, с их точки зрения, сложностей. Если бы та скелле на пляже – Таута, ударила по мне банальным электрическим разрядом, то я бы уже ничего не смог сделать. Я просто не знаю, как от него защитится, все, что я могу – ударить первым. Короче, любая встреча с группой скелле для меня по-прежнему смертельно опасна. Рассчитывать лишь на шаблонность их действий и на то, что меня не распознают как значимую угрозу – нельзя.

– Честно? Не знаю. С одной, скорее всего, справлюсь. С парой, только если ударю первым или они не обратят на меня внимания. Честно говоря, и одна, но одаренная – размажет меня, как масло по лепешке.

– Чего же тебя Ана не размазала? – по напряженному лицу

Сама было ясно, что для него этот момент крайне, жизненно важен.

– Сам, ты когда-нибудь сердился на табуретку?

– На что?! – тот нахмурился в недоумении.

– Ну, знаешь, бывает, стукнешься о табуретку ногой, мизинцем, к примеру – больно ужасно. И бывает так больно, что ты эту табуретку растерзать готов. Я, наверное, не образец выдержки – мне доводилось в такой ситуации лупить ногой по неодушевленному предмету. Как думаешь, кому от этого было хуже? Мне или табуретке?

Сам медленно опустил голову, показывая, что начинает понимать, о чем я.

– Так вот. Если бы я действительно захотел уничтожить мебель, как думаешь, справился бы? Можешь не отвечать – вопрос риторический. У человека миллион способов уничтожить деревяшку и еще тысяча машин и инструментов в помощь. – Я немного помолчал. – Ана не убивала меня. Она не просто сильная скелле, она еще и сообразительный и умный боец. Пожелай она осознанно убить меня – думаю, что она бы это сделала. А то, что там произошло – просто семейные разборки. Ну, вы же в курсе, кто ваша дочь?

Сам кивнул и хмуро закончил:

– А еще я в курсе, кто отец ее ребенка.

Я налил себе воды, отломил пастилы и бросил ее в кружку. Качка сама размешает напиток.

– Надеюсь, что в очередной раз пытаться убить меня вы

не станете. Я устал, хочу жить и, вообще, обидчивый.

Глаза капитана полезли на лоб, он вопросительно уставился на Сама. Тот смутился, отвернулся и некоторое время молча смотрел в сторону океана.

– Илия, у нас большие проблемы. В нашей семье, – он выделил голосом это «нашей», – произошло чудовищное происшествие. Мне кажется, что мы можем потерять Ану. – Он немного помолчал, поджав губы, и добавил: – Я охраняю свою семью, а не разрушаю. Я никогда не мог бы даже подумать о том, чтобы убить ее члена. Нас осталось слишком мало, чтобы растрачивать жизни без смысла. Кроме того, какие бы проблемы в семье ни были, они не касаются посторонних. Если понадобится решить вопрос с тобой, то я лично буду заниматься этим.

Сам в упор смотрел на меня. Капитан выпрямился и отодвинулся, как если бы случайно оказался на чужих разборках. На меня патетика Сама произвела мало впечатления, но и никакого смысла в продолжении этой темы я не видел. Я хотел на всякий случай обозначить, что в курсе его проделок – только и всего. Пусть знает, что я могу предъявить ему свой счет. А остальное проживем – увидим!

Далекий берег к вечеру превратился в тонкую темную полосу, окаймленную широким прибоем. Вдали периодически виднелись какие-то постройки, несколько раз мы встречали суда, идущие на север, ближе к вечеру на воду выползли небольшие лодки ловцов морского лоха. Наконец, однообразный, низкий, почти плоский берег взбугрился, вспучился плотными зарослями – мы подошли к дельте. Заложив вираж далеко в море, яхта Сама нацелилась на едва видимый проход в густой растительности. На волнах качались ярко выкрашенные, пестрые, красно-белые буйки, мимо которых, прижимаясь к ним правым бортом, и направилось судно.

Неширокий проход весь прятался в густом фантастическом лесу никогда мною не виданной растительности – казалось, что густая, плотная крона слилась в одну грандиозную пушистую плиту, парящую над низкой сушей. Из этой плиты темного, почти черного цвета свисали вниз не очень толстые колонны искривленных стволов, сквозь не густую чащу которых мелькали берега соседних протоков. Было видно, как по дальнему от нас справа, по направлению к морю двигалось какое-то встречное судно. Неспешное движение по узкому проходу заняло почти час времени, и когда яхта вышла на относительно широкое русло реки, лучи заходящего солнца

касались лишь макушек лесного облака – на реку опустилась вечерняя тень.

Азур – небольшой городок, стоял на обширном возвышенном острове. Главной его достопримечательностью был густой частокол причалов и пирсов, усеявших берег. Активная жизнь еще не замерла, скованная ночью, и у берега суетились многочисленные мелкие посудины и величественно маневрировала пара здоровенных барж, знакомых мне по Дону. На первый взгляд, места для стоянки не было, но подскочивший на пестрой раскрашенной лодке лоцман что-то прокричал матросам, и еще пятнадцать минут спустя мы уже швартовались у г-образного причала на дальнем краю порта.

Сам, похоже, тоже не горел желанием привлекать особое внимание и появился на палубе в той же матросской джинсе, лишь накинув на себя уже виденную мною длинную безрукавку до колен. Протянул мне, почему-то немного смущенно, пояс с цветами Уров:

– Если пойдешь со мной, надень. Нам ведь не нужны вопросы – что это за матрос у Ура без его цветов на поясе.

Я не чинился, да и не видел в этом никакого урона своему достоинству – как-то в последнее время мне стали безразличны эти юридические игры. Я даже свой паспорт – нательный крестик, давно уже не проверял. Как надену пояс, так и сниму. Главное, что Сам это понимает – не зря же так смущается, ведь по местным понятиям я почти что в дворянство записался, стал эдаким самодвижимым имуществом.

Город, точнее, порт, встретил нас обычным оживлением – никому не было дела как до очередного судна, так и до людей, сошедших с него. Какой-то усталый чиновник, похожий на таможенного офицера, молча махнул Саму – проходи, правда, с любопытством проследив за ним взглядом. В отличие от востока темная кожа здесь почти всегда служила признаком принадлежности к аристократии, и среди грузчиков, снующих по сходням и причалам, я не заметил ни одного черного. Азур для семьи Уров был чем-то, что можно было сравнить с ближайшей к вашему дому станцией метро на Земле. Вы бываете здесь часто – даже чаще, чем вам бы того хотелось, и ничего интересного тут для вас нет. Все скучно и знакомо – даже охрана в метро, полиция или мелкие торговцы мелькают знакомыми лицами. Да и вас безошибочно определяют как местного – скучный каждодневный фон, мелькающий мимо.

– Куда идем? – поинтересовался я у моего спутника, неторопливо вышагивавшего вдоль причалов, игнорируя город, раскинувшийся выше.

– У меня тут знакомый есть в таможене. Хочу пару вопросов ему задать по поводу посуды, приходившей к нам. Он точно должен знать, кому она принадлежит и откуда.

– Я правильно понимаю, что это просто арендованное средство транспорта?

– Правильно, – кивнул Сам, не останавливаясь.

Дальнейших пояснений не последовало, и я предположил,

что то судно было вроде земного такси. И мы сейчас пытаемся найти таксиста, перевозившего интересующего нас пассажира.

– То есть капитан этого судна, слишком быстро покинув причал, вел себя не как обычный извозчик? Не слуга же повитухи его нанимал?

Сам хмыкнул:

– Да, ты соображаешь! – даже не пытаясь замаскировать иронию в своем голосе, и я обиженно замолчал. Но долго терпеть не смог:

– А скелле в Азуре есть?

Ур покосился в мою сторону:

– Есть, конечно. Это важнейший пункт на Дону – кроме нескольких рукавов помельче, весь транспорт в море идет через него. Даже если не останавливается, то таможня все равно все движение отслеживает. – Он оглянулся куда-то вверх, на город, и добавил: – В том, что моя яхта здесь, я уверен, им уже доложили. Теперь интересно, будет ли реакция? Ведь погибла их сестра! – Он хмыкнул.

Дорога, тянувшаяся вдоль причалов, забитая повозками и людьми, пошла в гору. Вzbив ногами пыль на песчаном откосе, мы вынырнули на ровное поле, уставленное аккуратными домиками. Вдали возвышались островерхие крыши с цветными коньками – торговые дома. На длинном островном мысу, окруженном лесом, пряталось традиционное квадратное здание постоянного двора и какие-то, похоже, официаль-

ные строения. Наверняка в городе был не один постоянный двор, но, видимо, причалы и пирсы располагались также и на противоположной стороне острова, и там же находилось и большинство коммерческих зданий. Наша яхта, таким образом, ошвартовалась как бы с заднего двора.

Неприметное низкое здание – длинный деревянный сруб на каменном основании, ютилось прямо на краю речного обрыва. Желто-зеленый флаг болтался на древке, обозначая официальную контору. Сам обернулся:

– Погуляй пару минут. Только не убегай никуда – я скоро. Обрисую задачу таможене и выйду. Посидим пока, поужинаем – он, как выяснит все, что надо, прибежит – пожрать он горазд.

Я кивнул: понятно. Сам направился к таможене, если это была она, а я забрался на самый обрыв, разглядывая оживленное движение у причалов. Жизнь там замирала. На воде оставались лишь мелкие лодки, разбредающиеся по своим делам, – на рыбаков они были непохожи, скорее всего часть работников порта не были жителями самого Азура и разъезжались после работы по своим хуторам. На судах покрупнее загорались разноцветные огни, и я пытался определить применяемую здесь схему – кажется, белый огонь всегда впереди, на носу, а красный – на корме, но при движении задним ходом они переставляются, а при стоянке – оба огня зажигают белым. Неразлучная подзорная труба была со мной, но ничего особенного не показала – море мерцающих огоньков

от судовых приводов и всяческой магической мелочи. Скелле я не заметил.

Прошедший день казался изматывающе длинным. Еще утром я был бодр и свеж, немного волновался, немного переживал из-за нарушенных планов – сейчас я был истощен, хотя большую часть дня провел, бездельничая на морской прогулке. Видимо, психика, перестраиваясь под новые реалии, брала свое, пожирая накопленный запас оптимизма и деловитости. Как ни странно, думалось мне в этот момент не о моем предполагаемом ребенке – интересно, мальчик родился или девочка, а черт знает о чем. Я рассуждал о том, почему у меня появились какие-то способности к магии и как мог работать этот механизм. Вероятно, мозг отказывался принимать изматывающее участие в анализе произошедшего – ему было проще загрузить себя абстрактными размышлениями, чем в очередной раз пережевывать жалкие клочки информации.

Появление неожиданных способностей – скелле, опираясь на свой опыт, утверждали, что в смысле магии я стерилен и мне, учитывая к тому же, что я мужчина, ничего не светит – я приписывал присутствию рядом черной дыры. Так или иначе, но часть материи ускользает от ее безжалостной хватки, пройдя, как говорится, по самому краю горизонта событий. Элементы, образующие такую материю, должны иметь существенное отличие в количестве событий на их векторе жизни. Это не имеет никакого значения при образовании еди-

ничного события, но кардинально меняет картину вероятностей при событиях сложных. Сами элементы не привязаны к какой-то определенной материи, они так или иначе участвуют в движении всего вещества и излучений вокруг звезды. Я жил на Мау уже не первый год, я ел,пил, меня облучало всеми видами электромагнитных излучений – не мудрено, что часть материи, из которой я состою, несет на себе печать черной дыры.

В чем же отличие поведения такого вещества от стандартного? Я предполагал, что везде, где на уровне микромира совершался случайный выбор, это проявлялось в непредсказуемых флуктуациях результатов. Скажем, какие-нибудь натриевые или калиевые каналы на нейронах головного мозга – это, в буквальном смысле, протоки в оболочках клеток, через которые транспорт атомов натрия или калия образуется по сугубо вероятностным принципам. Ионы мигрируют из зоны с большей их концентрацией в области с меньшей по вероятностным законам. К чему могут привести искажения этого процесса? Да к чему угодно! Например, нейрон срабатывает раньше или позже, чем должен был. Или вообще не срабатывает и так далее. Для меня, как макросущества, это проявляется в неожиданных слуховых или зрительных галлюцинациях, например. Часть воздействия сознание может вообще не распознавать. По каким-то причинам мой мозг научился воспринимать именно тактильные ощущения, игнорируя прочие – так, никаких зрительных галлюцинаций у

меня пока не было, хотя я и слышал скелле как тихий звон в ушах. Впрочем, звон не показатель, так как мог возникать как реакция организма на не идентифицируемые моим сознанием события – ну, например, какой-то отдел мозга, регулирующий давление крови, как-то нестандартно возбуждается в присутствии сестер, и как результат звук, который я слышу, – моя собственная кровь, рефлекторно стиснутая сосудами рядом со скелле. Куда интересней и загадочней обратный процесс – каким образом я управляюсь с тенью от темной звезды? Может быть, возбуждение каких-то областей мозга меняет концентрации тех же ионов, например, создавая некий рисунок измененного вещества, которое и взаимодействует с потоком событий от источника? Последнее соображение казалось сомнительным, но ничего иного придумать я еще не успел.

Сам появился внезапно и сразу потянул меня в сторону постоянного двора на мысу, уже осветившегося развешенными на стенах фонарями.

– Пойдем, пока там места есть. Позже народу набьется под завязку.

– А что, благородные джентльмены едят теперь в общем зале? – не удержался я от вопроса.

– Тут благородным джентльменам делать нечего. Таверна рядом одна, и вполне приличная. Народ попроще сюда не ходит – дорого. В основном капитаны да коммерсанты. Кормят хорошо – я еще ни разу не пожалел. Если мы отправимся

на другую сторону, то точно привлечем внимание, а тут люди деловые – чужие заботы им неинтересны. Да и хозяин таверны знает, что за чрезмерное любопытство можно поиметь проблемы не от властей, а от публики попроще. Попроще – в смысле методов. Стучит, конечно. Но я сам себе власть – он знает границу и никогда ее не переходит. Ты, кстати, что-нибудь интересное видел?

– Скелле нет, – коротко ответил я.

– Ну и хорошо, – кивнул Сам, открывая широкую дверь в угловой башне.

Урмазор был доволен – жизнь наконец-то повернулась к нему лицом. Большую часть своей жизни он провел в Саутриме, подбирая крошки с чужого стола. Капитан без судна – карра, вот кем он был. Вместе с приятелями он нанимался для разовых перегонов всяческого плавающего барахла. На хлеб с маслом, в принципе, хватало, но он отчетливо осознавал, что настоящая жизнь проходила мимо и еще десять, двадцать лет, и лучшее, что ему светит – пристроиться в порту попроще, где-нибудь на востоке. Никогда ему не увидеть Мау и не ходить за океан. Капитан был темнокожий – кто-то из его предков был из древних, но в Саутриме это ничего не значило. Таких, как он, там было множество, и цвет кожи не давал ничего, кроме чувства причастности к бывшим повелителям мира. Иное дело здесь на Мау – люди поглядывали на капитана с осторожным любопытством, и он неожиданно ощутил себя носителем древней крови, почти аристократом. Однако стоило ему открыть рот, и дистанция, которую он чувствовал вокруг себя, рушилась, встречные понимающе кивали, и в такие моменты Урмазор вновь чувствовал себя простым карра из далекого угла на юго-востоке континента.

Тем не менее сейчас он вновь ощущал себя на коне. Долгожданный контракт на перегон переделанной под море реч-

ной баржи из Саутрима в Арракис был денежным и сам по себе, но, что намного важнее, в столице Мау его ждало собственное судно – быстроходный морской грузовичок, на который он уже подписал долгосрочный капитанский договор. Эта бумага, лежавшая в его сумке, возвышала его над всеми прочими, придавала ощущение того, что наконец-то удалось подняться повыше, стать вровень с надменными морскими капитанами, никогда раньше не признававшими его ровней. Сейчас он сидел вместе со своим старшим помощником и боцманом в настоящей капитанской таверне на окраине порта Азура и накачивался великолепного качества орешком, сделавшим бы честь любому кабаку на востоке. Если держать себя немногословным и преисполненным внутреннего достоинства, что, как казалось, Урмазору, у него отлично получалось, то можно было насладиться еще и осторожным любопытством посетителей, принимавших его, как ему казалось, за аристократа.

Зал еще не был полон, когда открылась дверь и внутрь вошел высокий пожилой чернокожий человек в скромной одежде и в сопровождении слуги – по виду матроса. Урмазор всмотрелся – несмотря на то что вошедший держался скромно, капитан был уверен, что в заведение пожаловал настоящий, а не мнимый представитель благородного семейства. Спокойное безразличие к окружающим, вежливый кивок засуетившемуся хозяину, забегавшие официанты, за которыми Урмазор был вынужден несколько раз посылать боцма-

на, — настолько те были заняты и не замечали важного гостя, все отмечало незримой печатью статус гостя. Лицо вошедшего производило впечатление своими точными правильными чертами — явно его предки не общались с представителями иных рас. Урмазор против своего желания прикипел взглядом к незнакомцу, пытаясь высмотреть в его поведении, его жестах и словах признаки древней крови, так отличавшей ее носителей на западе от простого люда. Приятели капитана заметили его застывший взгляд и оглянулись — вошедший, сопровождаемый своим матросом, не спеша прошел вглубь зала, бросил взгляд на обернувшуюся компанию, с достоинством кивнул и занял столик неподалеку, повернувшись к ним спиной. То, как он кивнул, выглядело, скорее, как команда «вольно» — мол, не беспокойтесь, продолжайте свои дела, и Урмазора передернуло. Незнакомец не видел его реакции, но рослый светлокожий матрос, сопровождавший его, на мгновение всмотрелся в капитана, равнодушно отвернулся и устало опустил за стол рядом с аристократом.

Настроение испортилось, и это заметили приятели. Ладно, аристократ — все же Урмазор знал дистанцию, отделявшую его и ему подобных от элиты местного общества, но простой матрос безошибочно распознал в нем простолюдина, и это бесило.

К счастью, подскочившие официанты уделили внимание и его столику, и на какое-то время все вернулось на свои круги — Урмазор наслаждался орешком и новым статусом, незна-

комцы тихо беседовали, не обращая ни малейшего внимания на подвыпившую компанию неподалеку.

Капитан время от времени поглядывал на занятый аристократом столик. Тот сидел спиной к компании, и рассматривать его затылок скоро стало не интересно. Другое дело – его слуга. Его лицо сразу же привлекло внимание Урмазора. Было оно какое-то неправильное – слишком светлое, со странным цветом глаз – то ли желтых, то ли зеленых, с тонким прямым носом и длинными, по виду мягкими волосами, собранными на затылке в небольшой хвост, тонкие губы и непонятный налет на щеках еще более усугубляли впечатление чуждости. Матрос вел себя странно – держал себя на равных с хозяином, несколько раз, задумавшись, даже, как показалось Урмазору, не отвечал на вопросы того, выглядел таким же спокойным и уверенным, как и аристократ. Да, подумал капитан, если близость к элите так меняет поведение ее, по сути, прислуги, то что тут говорить о самих аристократах. Будь он на месте незнакомца, то уже выгнал бы забывшегося матроса на судно – галюны чистить.

Задумавшись, он не заметил, как к столу аристократа подскочил молодой парнишка, поклонился с должным почтением и что-то быстро затараторил, кося взглядом на матроса. Закончив свою речь, пацан получил вознаграждение и тут же испарился. Следом за ним поднялся и незнакомец, что-то бросил матросу, тот кивнул в ответ и склонился над тарелкой, а аристократ быстро вышел из таверны.

– Нормально тут? – спросил приятелей Урмазор. – Простые матросы обедают в одном зале с капитанами?

Старпом оглянулся и заметил:

– Это не простой матрос. Это прислуга очень важной шишки!

– Я что-то шишки не вижу, – вмешался боцман. – А без шишки ему тут делать нечего!

– Ну, ладно – мы люди простые и негордые, – продолжил Урмазор, – но порядок на судне – основа благополучия всего экипажа! Матрос должен знать свое место! – капитан сделал первую попытку подняться.

– Кэп, может, шишка отлить отошла? Пусть сидит, если не воняет.

– Нет, – пьяно не согласился капитан, – шишка свалила. Я видел, к нему посыльный прибежал. А имущество оставил. Непорядок! Надо имущество отправить за владельцем! И потом, что значит не воняет? Надо проверить, давно ли его в воду бросали.

Компания услужливо захохотала. Матрос оторвался от тарелки и посмотрел на капитана. Тому показалось, что в его глазах светилось раздражение с легким презрением, и он понял, что вынести этого уже не сможет.

Зал освещался лампами, развешанными по стенам и на крючьях под потолком, – света от них было немного, и на каждом столе стояли дополнительные светильники. Столик, который занимал в одиночестве непочтительный мат-

рос, стоял рядом со стеной, на которой висел шипящий ацетиленовый фонарь, – видимо, поэтому лампы на самом столе не было. От этого черты лица матроса периодически скрывались в тени, и Урмазор, подхватив светильник со своего стола, направился к незнакомцу. Старпом с боцманом развернулись на своих стульях, предвкушая веселое развлечение.

Капитан, подойдя к столу матроса, остановился и поднял светильник, освещая его лицо. Непонятный налет на лице матроса, уставившегося в удивлении на Урмазора, оказался щетиной от тщательно сбриваемой бороды.

– Мама дорогая! Да у него борода растет, как у муна какого-то! – громко прокомментировал он свое открытие.

– Что тебе надо? – без малейшего почтения обратился непонятный матрос к Урмазору, который бесцеремонно уселся за его стол, оставив фонарь направленным на лицо собеседника.

– Да ладно? – послышался возглас боцмана.

Следом подошел старпом:

– Ни хрена он на муна не похож – я эту породу хорошо знаю.

– Ты откуда будешь такой красивый? – спросил матроса боцман.

Тот молча, ничего не отвечая, затушил фонарь, светивший ему в лицо, и развернулся в сторону хозяина таверны, очевидно, собираясь призвать того на помощь. «Трусоват», – подумал Урмазор и, схватив матроса за рукав, развернул об-

ратно.

– Надо отвечать на вопросы старших, тем более капитана, – внушительно произнес он и потребовал у сажающегося рядом старпома: – Лампу зажги.

Матрос повел себя странно – не вскочил почтительно, как положено в присутствии старшего, не стал возмущаться или звать официанта на помощь. Вместо этого, невозмутимо достав из кармана крохотный шарик, вытянул руку с этим предметом в сторону пола у входной двери – Урмазор подумал, что он хочет ему что-то показать, но тот ничего не сказал, а не глядя на шарик, зачем-то повертел тот в пальцах и тут же вернул его в карман. После чего покраснел, видимо, от страха, и выпрямился на своем стуле, оставив недоеденного лоха.

Старпом боролся с лампой, боцман не вытерпел и взялся тому помогать, но лампа отчаянно сопротивлялась. Матрос, под пристальным взглядом капитана, заговорил:

– Уважаемый, для вас будет лучше, если вы оставите меня в покое.

Урмазор усмехнулся:

– Что, хозяину нажалуешься?

Матрос ничего не ответил, как-то деревянно повернул голову к возившимся с лампой приятелям капитана:

– Помочь? – спросил он странным напряженным голосом.

Урмазор нахмурился, старпом с боцманом посмотрели на матроса, и в этот момент лампа, которую боцман загреб в

свои руки, тихо бумкнула, сверкнула вспышкой и загорелась, освещая столик и людей за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.